

18+

Светлана Нагибина

ФОТИНИЯ

Стихи и рассказы

Светлана Нагибина

Фотиния. Стихи и рассказы

«Издательские решения»

Нагибина С.

Фотиния. Стихи и рассказы / С. Нагибина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-534336-9

Книга закончена. Мне осталось написать несколько слов о ней. История о Фотинии во многом и обо мне, об истоках, о переживании встречи с Богом. Мне хотелось посмотреть изменение души, обретающей веру. Книга, которая у вас в руках, — рассказ о рождении человека, о рождении моей героини, её мира. Возможно, как читатель я бы не поверила такой истории. Но день за днём всё более отчётливо в своей реальной жизни убеждаюсь, что человек рождён меняться, чтобы однажды открыть для себя другой мир.

ISBN 978-5-00-534336-9

© Нагибина С.
© Издательские решения

Содержание

Проза	6
Вступление	8
Фотиния	10
С обратной стороны ее глаз	13
Правда	16
И будет утро	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Фотиния
Стихи и рассказы
Светлана Нагибина

© Светлана Нагибина, 2021

ISBN 978-5-0053-4336-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Проза Рассказы

Вступление

Иди домой, сказал ему Спаситель, к своим, и расскажи им, что сотворил Господь и как помиловал тебя. Лк. 8:39

Дорогие читатели!

У вас в руках книга о Фотинии, во многом эта книга и обо мне. Предлагаю вашему вниманию историю одного воскрешения. История невыдуманная, однако может показаться маловероятной.

Это история обычного человека, который однажды увидел свое несовершенство. Можно было бы сказать прозрел, но я не хочу даже намека на пафос в своем повествовании.

Почему? Потому что дорога и ценна для меня обычная правда, правда и простота. Что же, кроме собственного несовершенства и недостойнства, однажды увидела моя героиня?

Ответ на этот и другие вопросы дает Фотиния. Она главный двигатель авторских размышлений на страницах этой книги. Она в центре исследований, наблюдений за человеческой природой в период духовного пробуждения. Ее мысли, чувства, переживания, малейшие изменения внутренних состояний были интересны мне в работе над сборником стихов и рассказов о человеке.

Фотиния родилась в дни чтения Великого Покаянного Канона Преподобного Андрея Критского, 21 февраля 2018 года в храме Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, на третий день Великого поста. С тех пор прошло совсем немного времени, каких-то три года, но как много изменений произошло в жизни и судьбе моей героини.

Книга об этом.

Фотиния. Красивое православное имя. Что мы знаем о нем? Имя Фотиния – стародавнее, с древнегреческими корнями. Оно является женской формой от Фотин. Имеет современный, более распространенный вариант – Светлана. Происхождение имени связано с древнегреческим словом «фос», что означает «свет», либо «фотейнос», которое переводится как «светлая».

Итак, Фотиния – «светлая».

Моя героиня, Фотиния, невымышленный персонаж, во многом автобиографичный.

В прозаических миниатюрах и поэтических произведениях книги вы увидите душу, открытую переменам. Хочу представить вам мою героиню, показать ее мир, рассказать о корнях, о семье и окружении, познакомить с ее предысторией.

Сборник «Фотиния» – попытка ответить на вопрос, почему всё это происходит с ней? В этой (первой) книге вопросов пока больше, чем ответов. Но ответы каждый дает сама жизнь, чудо, неосознаваемое таковым, но вполне реальное и осязаемое.

Книга, которая у вас в руках, – самое начало разговора о внутренних и внешних переменах в человеке, открывшем для себя веру, Евангелие, обратившемся к Богу, вступившем на путь покаяния, своеобразное определение темы.

Когда-то давно, в восьмидесятые, моя героиня была обычным советским ребенком, как вы, ходила в самую обычную школу, потом в институт.

Господь всегда был милостив к ней, когда подошло время, подарил прекрасную любящую семью. Тогда жизнь ее была ничем не примечательна, как у большинства. Жизнь вдали от Бога, вблизи от ошибок. Это была слепая, беспечная дорога в никуда.

Лихие девяностые и нулевые. Все дальше и дальше от Бога уходит дорога героини с течением лет. И разрушение ее мира, и полный крах такой жизни были неизбежны. И она умерла.

Но милосердный Бог не оставил ее. «Тайна сия велика есть» (Еф. 5: 31—32) – и одному только Богу известно, в какое время и как она очутилась в храме, что с ней происходило тогда и после. А время шло дальше.

Когда душа открылась Богу, она воскресла из мертвых. Да, так вот обыденно, простыми словами о вечном.

Что значит воскресла? Сама воскресла? На многие вопросы мне, как автору, предстоит еще только ответить в следующих произведениях.

Верить или не верить в эту невыдуманную историю – выбор за вами, мои дорогие читатели, но воскресение стало жизнью родившейся Фотинии.

Она поняла, что мир может быть другим, что он задуман и создан, а значит, и должен быть другим, и что это зависит в том числе и от нее. Героиня увидела направление пути к миру Божию, к спасению. Она делает первые, робкие шаги на этом трудном пути.

Как много еще ей предстоит понять о себе, о человеке, о Боге, о правде, как от многого предстоит отказаться, как много раз ей предстоит больно падать.

Но милостью Божией укротившая ее душу Фотиния поможет вставать ей снова и снова. Мир изменился.

Оглядываясь на свою жизнь, чудом и великой милостью Бога с благодарностью принимаю глубокие внутренние изменения.

Хочу поделиться с вами моей историей. Бог даст, кто-то еще, прочитав эту книгу, задумается о своей жизни и благословит грядущие перемены.

*С любовью к читателям,
автор Светлана Нагибина*

Фотиния

Она стояла в центре храма, сложив крестообразно руки на груди. Воскресная Литургия шла своим чередом. В храме многолюдно, среди прихожан уже много знакомых лиц. Всякий раз особенно звучат для нее с клироса слова:

– Тело Христово приимите, Источника бессмертного вкусите.

Слова звучали где-то внутри, имели объем, цвет и звук. Последние несколько лет связаны для нее с этим храмом, с этим приходом. Сегодня время снова раскрылось для нее. Посторонние люди стали родными, близкими по духу. В какие минуты, дни и месяцы произошла с ней эта внутренняя перемена, она не знала, но, наблюдая в себе чудесное изменение, внимательно изучала свое новое качество.

– Здравствуй, сестра, с праздником! А где Нина с ребятами? Не случилось ли чего? – говорит она шепотом, распахивая объятия.

– С праздником! Тоже давненько ее не вижу, – кротко улыбается Татьяна, прихожанка средних лет (со стороны видно ее вынужденное положение из-за недавнего перелома ноги). Во время молитвы Татьяна стоит у лавочки, опирается на трость, щадя больную ногу.

– Позвоню Нине, скорейшего выздоровления тебе, Танечка. Все мы дети Бога.

«Помоги, Господи, сестричкам моим, Татьяне и Нине», – думала она, вставая в очередь на Причастие. Сложив крестообразно руки на груди, задумалась, когда произошла с ней такая перемена? Женщина медленно продвигалась к Чаше, она была среди своих, покойна и тиха. Только что приняла она Таинство Исповеди, и боль сдалась, отступила. Давно забытое ощущение радости, какой-то беспричинной необъяснимой и всеобъемлющей радости, по-новому вошло в ее открывшееся любви сердце.

– Тело Христово приимите, – слова возвращали ее в здесь и сейчас.

«Воскресенье. Мой храм. Родная Вятка. Да, я дома, дома... Теперь я окончательно и по-настоящему дома», – подумалось спокойно, земными словами о небесном, о другой, настоящей жизни – жизни вне тела. Эта невообразимая мысль уже не была для нее новостью или только что пришедшим откровением. Она не то чтобы верила в это, но знала как-то, что будет так.

Таинство Причастия Тела и Крови Христовых шло в храме своим чередом: сначала дети, потом мужчины и только после – женщины. Она подняла глаза к образам. Спаситель смотрел на нее спокойно и ласково: «Не бойся ничего. Иди. Я с тобой. Ты любимое дитя мое».

«Иду, Господи. В покаянии мя прими».

Ее мысли прервал пронзительный детский плач. Глаза вмиг охватили окружавших людей, ища источник громкого звука: где ты, малыш? Ну, не надо плакать. Ты будущее наше, наша надежда. Но ребеночек не переставал плакать, беспокойно суча ножками в руках переполненной матери. Всего лишь миг молитвы (сколько людей в храме произнесли мысленно!) – Боже, помоги! – и вот уже добрые руки батюшки дают младенчику на лжице самого Бога. Чудо совершается пред нами.

Как много малышей в храме! Вот они, ангелочки наши среди нас, с мамами и папами, совсем крохи и постарше, кто на ручках у родителей и старших братьев, кто уже на своих ножках – все любви и дороги Богу. Мы живы. Мы несем наших детей в храм, к Богу.

Она закрыла глаза, обращаясь молитвенно к той единственной силе, которая может одна прощать грехи.

Сегодня так же, как и в предыдущие недели Рождественского поста, она торопилась на службу в храм, чтобы принять Таинства Исповеди и святого Причастия. Почти бежала по заснеженным, сонным еще улочкам старенькой Вятки. Тесными двориками, «народной тропой», лежал ее путь к детской поликлинике, что совсем рядом с Парком Победы и храмом Веры, Надежды, Любви и матери их Софии.

Память подгоняла ее, а жизнь, пробежавшая мимо и как-то впопыхах, придавала еще большее ускорение. Когда-то в эту поликлинику она носила ненаглядных сыночков своих. Жизнь помнила это. Обе матери были рядом. Как нежно они любили внучат, трепетная материнская забота всегда была с ней. Как давно все это было, сейчас казалось – в другой жизни... Ее сыночки – еще малыши, на дворе молодость, все еще впереди, все еще живы...

Она почти бежала, мысли вихрями кружились в ней и над ней, запинаясь и падали, обгоняя снеговые потоки, брошенные ей прямо в лицо колючим северным ветром. Не чуя ног она летела в храм. Молитва, воспоминания, покаяние, слезы – и опять молитва...

Круговорот нескончаемый, бурный поток сознания, шквал слов и эмоций врывается в ее внутреннее пространство и сносит все на своем пути. Таков непрерывный разговор с Богом, с ее любимым живым Богом, без которого жизнь для нее стала невыносима с некоторых пор.

«Господи, помилуй грешную рабу твою, увидь немощь, в покаянии меня прими», – звучит внутри сосредоточенно и напряженно.

Магазин «Глобус» на углу Лепсе и Монтажников. Забежит на секунду за хлебом – и скорее дальше. Теперь она всегда шла к Богу с хлебом. Крепко укоренились в ней бабушкины слова: «Хоть за куском хлеба меня помяните».

От магазина летит на всех парах к храму, наспех на ходу поправляя маску (атрибут пандемии коронавирусной инфекции), светло и широко улыбается воскресному дню, небу, солнечному утру и тому еще, что все это с ней происходит. Ветер мешает колючки снежной мелочи со слезами, размазывает их по щекам и достает то ли из ее памяти, то ли еще откуда слова молитвы: «Достойно есть яко воистину блажити тя Богородицу, присноблаженную и пренепорочную и Матерь Бога нашего. Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя Величаем!»

«Благослови, мамушка, благослови, родимая, и прости меня грешную, окаянную душу».

Зажала в ладошке монетку, согрела на бегу в варежке, потому знает – ее у входа ждут.

– С праздником, брат! Помолись об упокоении души усопшего раба Божия Владимира, мужа моего.

Перекрестившись на храм и поклонившись, скидывает на снег за церковной оградой суету и поднимается на высокое крыльцо храма, где заждались уже Вера, Надежда, Любовь и мать их София, свободная, другая: «Фотиния, ну, где ты? Поторопись. Заждались».

«Святые мои, молитесь Бога о нас грешных, о семье моей!» – И потянув на себя тяжелую ручку увесистой двери, входит в воскресный торжественный храм.

Открыв глаза, она прервала набежавшие мысли и вернулась в неспешное совершение Таинства.

– Тело Христово примите, – доносилось отдаленное и строгое пение сверху.

Она мысленно взглянула на себя со стороны: «Кто ты? Какая ты?» – будто сам собой в сознании возник вопрос. Сегодня время снова раскрылось для нее. Будто со стороны, будто чужими глазами увидела она себя. Совершенно другую. То ли отстраненно, то ли отрешенно смотрела женщина на беспощадную грязь собственной жизни, грязь налипшего греха, разьевшего беспечную, слепую ее душу. Видеть это было больно. Будто прочная скорлупа незрелого грецкого ореха, сковала ее броня греха, уже бывшую, вчерашнюю. Согнулись под тяжестью этой неподъемной ноши слабые женские плечи, и вся она будто осела к земле черным мартовским снегом.

Конечно, не в один день совершилась с ней такая перемена. Медленным путем покаяния, маленькими шажками дней пробиралась Фотиния к этим мыслям. Какие слова могли бы вместить глубину ее сожаления о преступной духовной слепоте, о беспечности и безответственности за собственную жизнь? Простые. Самые простые человеческие слова: каюсь, прости, благодарю.

Знала ли она прежде эти слова? Слова знала, а Бога не ведала. Конечно, она слышала о Христе в своей безоблачной советской молодости. Но Он был далеко тогда, так обидно и страшно для нее – далеко. Теперь она видела, что это была совсем другая жизнь, в ней не было самого главного. Как жаль было лет, ушедших насовсем совершенно впустую.

Безвременные смерти самых близких людей раскололи орешек ее незрелой души. Скорбью, словно солнечным светом, стала вызревать она, изъеденная удовольствиями и потерянная на долгие годы для себя самой и для жизни. Огромными, увесистыми кусками с души стала сваливаться заскорузлая грязь, из-под которой местами уже начала появляться нежно-розовая мякоть нового человека...

– Фотиния, – неожиданно для себя выдохнула пред лицом батюшки прихожанка.

Имя прозвучало громко и чисто, оно поднялось под самый купол, облетело все закоулки храма, вдохнуло церковный сладковатый воздух и послушно вернулось к ней.

«Фотиния», – уже мысленно повторила женщина. Была она ничем не примечательна среди прихожан: приземистая, полноватая, средних лет, в неброской одежде, в платочке, как многие сестры в церкви, пожалуй, только глаза и выдавали в ней Фотинию – самые обычные, простые, светлые.

Назвав священнику свое имя, она приняла в себя Тело и Кровь Христовы. И воцарилась тишина. Все, что бурлило и беспокоилось в ней, утихло. Мир и покой пришли улыбкой на ее спокойное лицо. Снова жива!

Без падений этот путь не прошел никто. И она будет падать и подниматься, чтобы идти дальше. Она уже видит пятно света впереди. Жаждет перемен, что может, делает для них. Она стремится стать такой, какой хотел бы видеть ее Бог. В помощь ей два верных слова: «Господи, помилуй».

09.01.2021

С обратной стороны ее глаз

Посвящаю мужу

Вечер снова подходил к концу, а рассказ все не был написан. Несколько дней подряд мысль о его написании не отпускала ее. Но как-то все не складывалось. Суета, дела какие-то, спешка – все это каждый день на потом откладывало писательскую работу.

Нынче была суббота, мысли в очередной раз натолкнулись на название «С обратной стороны ее глаз». Внутри вечера, словно малые дети, копошились и гомонили теплые воспоминания. Молитва делала их все более ясными, ощутимыми, наполненными, и вот уже рассказ начал проступать сквозь толщу обрывочных фраз, оттенков чувств, пережитых когда-то событий.

В этот февральский вечер она была одна в своем доме. Уютный свет настольной лампы ограничил небольшое пространство ее рабочего стола. На стене в круге света привычно оказалась фигурная рамка с молитвой о семье и образом Богородицы, часы с именной подписью, подаренные на юбилей мужа друзьями, и фото в рамке, что стояло подле, на журнальном столике справа от нее.

С фото на нее смотрел Вовушка. Он теперь всегда был с ней. С тех пор, как черная полоса перечеркнула уголок портрета, он обрел свое постоянное место по соседству с ее письменным столом и всегда был рядом.

Вот и сейчас он смотрел на нее ровным взглядом с еле заметной улыбкой мягких светлых карих глаз. Родной взгляд отправил ее в недавнее прошлое, лет на тридцать назад. Она была спокойна и пребывала в прекрасном состоянии духа – в любви.

– Девочка моя, я так давно наблюдаю за тобой. Ты такая смешная. Ищешь слова какие-то особенные, не находишь, терзаешься в сомнениях. А я так вот тихонечко смотрю на тебя, просто смотрю на тебя – с обратной стороны твоих глаз...

«Что ты напишешь, это ведь совсем неважно, потому – написано уже, жизнью нашей с тобой написано, жена. Вот, ты говоришь, Фотиния теперь. А как по мне, так ты всегда и была ею. Может, я и не признавался в этом, но света в тебе видел много. С тех пор как письма твои читал в курсантском училище, я видел этот свет и хранил его всегда так глубоко, что никому ходу не было в те глубины. Свет этот и сейчас там. Милая моя девочка, ты идешь к вечной любви дорогой веры, различая пока лишь размытые контуры в предутренней мгле таинственного человеческого времени. Много опасностей на этом пути, но я проведу тебя по нему. Ничего не бойся. Проведу за ручку, как раньше. Помнишь?..»

В полной тишине ее мира ровным приглушенным шуршанием привычно работал ноутбук, свет лампы возвращал память в тихие семейные вечера, и она даже не заметила, как перейдя на шепот, почти слилась с поглотившей ее минутой радости и воспоминаний:

– Вовушка мой, родной...

Конечно, помню. Всегда моя молитва будет о тебе, любимый. Ты вернул меня к жизни. Расколол замершее каменное сердце, и потек из него ручеек покаянный. Теперь ручеек этот до смертного часа со мной и будет.

– Прости меня за все, за боль прости. Теперь вижу ее и чувствую, твою боль, теперь она моя. Пред тобой и пред Богом винюсь. Не гоните, молю, ваша я, ваша... Господи, Боже, прости Вовушке все прегрешения, вольные и невольные, даруй жизнь вечную и Царствие Небесное! – она все еще что-то говорила, но слов было уже не разобрать, так как говорила она одними губами тому, кто слышит.

Пахота покаяния поднимала и переворачивала в ней такие глубокие пласты сознания, что казалось, она изменяется на клеточном уровне, будто создается кем-то заново.

Пахота покаяния... Она как искусный реставратор снимала слой за слоем с творения гениального мастера бездарный новодел ее жизни, намалеванный наспех, без любви и старания, безвкусный, грубый, ядовитый.

Она сидела не шевелясь, не мигая смотрела на стену. Мысленный взор ее был обращен в прошлое, которое сегодня почему-то никак не хотело оставлять ее одну. Молчаливый монолог все более явно становился диалогом.

– Как рано я окаменела... Я стала памятником, обычным надгробным памятником, из мраморной крошки. А ты продолжал любить и памятник. Как мог, поддерживал его в порядке, протирал тряпочкой пыль и грязь межсезонья, заботился и ухаживал за ним, за холодным камнем. Как много лет я была не в себе, не в разуме. Да и я ли это была? Я ли...

Огромная зияющая пропасть между ней вчерашней и сегодняшней открылась ее мысленному взору. Незаметно и как-то безотчетно в ней заседалась земля обретаемой веры. Она рождалась заново.

Почти три года, как она похоронила мужа. Лютая боль утраты стала для нее тем разрядом тока, который завел сердце по новой. Чтобы стать Фотинией, ей нужен был этот сильный разряд.

Вера изменила ее, и боль отступила. Вдова знала как-то, что они с мужем будут вместе, правда, объяснения хоть сколько-нибудь рационального этому не находила. Это знание было где-то за гранью ее понимания, в другой плоскости, что ли. Когда-то они с любимым обязательно будут вместе в том месте, где нет времени, где торжествует победившая и вечная любовь.

Они были знакомы с детства, учились в одном классе, вместе закончили школу и поступили в институт. Она в педагогический, он в военный.

Вовушка ее уехал в далекий сибирский город Кемерово на четыре долгих года, в курсантское училище. Вернулся лейтенантом. Свадьба была счастливая, долгожданная.

В этот миг она вернулась из своих дум в настоящее и вспомнила их танец, первый танец молодоженов на свадьбе. Музыка звучала, звучала, она все не кончалась, музыка любви, чистоты, почти детского безоблачного счастья двоих.

– Давай вальснем, Свет, ну, давай, не бойся, – тихонько говорил он и уже действительно раскачивал их руки в такт песни «Обручальное кольцо», а она боялась, трусиха.

– Вов, как же без репетиции, да еще на глазах у всех, а вдруг не получится, танцоры-то мы с тобой так себе, – с волнением, удерживая любимого от душевного порыва, шептала она.

Это была только их тайна, она осталась такой навсегда, как все, что связывало их. Спустя тридцать лет, она все так же, будет жалеть об этом неслучившемся вальсе.

Но счастье было! Такое совершенное, созидающее, заполнившее до краев маленькую вселенную двоих человеческой любовью, – всепоглощающее счастье!

Эти короткие минуты настоящей радости что-то поменяли в них, сплавив два «я» в одно безупречное счастливое «мы» пред людьми и пред Богом навсегда.

Пышной свадьбой в восемьдесят девятом закончились щедрые восьмидесятые, и на пороге уже замаячила темная глыба девяностых и нулевых, вторгшаяся без объяснений в область света, мира и любви, сильно покорежив ее.

Время делает людей. Время оставляет след в биографиях, а порой изменяет людей до неузнаваемости. Дети родились в девяностых. Рождение детей – щедрый подарок Бога.

Он любил их. И потому несмотря на тьму эпохи смутного времени перемен, поглотившую все поколение, Он сохранил их «мы», хоть и ценой жизни одного.

Голос любви то затихал, то прорывался в ней нежностью далеких лет. Сколько счастливых дней было прожито вместе, сколько событий важных и не очень случилось в этой жизни, одной на двоих.

Выросли дети, безупречно повторили их внешне: один маму, второй – папу. Снова и снова она просила память оставить ей свет, свет их любви.

Тридцатое июня. Последний поцелуй. Самые родные, холодные, уже остывшие губы...

Так начиналась Фотиния, так она начинала видеть, смутно еще первое время, расплывчато и скудно, но уже видеть. Свет был с ней, даже в самые тяжелые годы безвременья, но она не видела его, просто не замечала.

Когда пелена спала с ее глаз, действительность начала меняться. Она пришла в храм. Увидела болячки, что скопились внутри, и в молитве обратилась к Богу с просьбой о прощении.

Всемогущая вечная любовь забрала ее боль, утешила, подарила уверенность, что все происходит совершенным образом для всех: для нее, для любимого, для каждого, рожденного в жизнь.

Вечер стал ночью как-то незаметно. Незаметно и неслучайно, как все, что бывает у Бога. Пришел новый день, двадцать первое февраля, день рождения Фотинии, вот уже третий ее духовный день рождения.

Ее время бежало, как старый дед, запыхавшись и уже порядком обессилив, но все еще пыжась куда-то успеть.

Сейчас в своих мыслях она была с любимым вне времени. Неведомое ей, оно имело такую особенность: куда-то деваться, когда они с Вовушкой остаются вдвоем, не останавливаться и не замедлять ход даже, но совершенно растворяться в настоящем – попросту исчезать. Ничего не изменилось для нее с тех пор.

И сейчас, когда она думала о самой близкой на свете душе, она узнавала новую действительность, все более приближаясь к ней, совершенно другую, неведомую доселе, ту, что внимательно и бережно наблюдала за ней – с обратной стороны ее глаз...

21.02.2021

Правда

Посвящаю отцу

Ложь уходила из ее жизни неохотно, медленно и как-то неумело, то будто от взрыва опытного сапера сходила оползнями с мрачной души, погребая под собой все ненужное, мелкое (как она начинала понимать теперь), мешавшее жить, то вдруг протискивалась наружу каплей зубной пасты, с большим усилием выдавленной из почти пустого тюбика жизни, посеревшей от времени, и, оставляя свободным отвоеванное пространство, сдавала с боями позиции.

Правда... Была ли нужна ей правда многие годы? Искала ли она ее в сумятице дней, в говорильне суетливого города, в необъяснимом смешении своем так, чтоб скулы сводило от боли, чтоб в кровь разодрана была безвольная душа ее?

Время без правды похоронило многих, самых близких, забрав их навсегда. Оно без стеснений и церемоний сожрало по-детски доверчивые, родные их души.

И стало темно. Мир, город, планета, дорогие сердцу, дышавшие когда-то рядом с ней, совершавшие свои ошибки люди, – все ушло в безвременье.

Она сидела на табуретке, сгорбившись и наклонившись вперед, в полупустой комнате, на самом краю Вселенной. К середине дня распогодилось, и скудное убранство комнаты осветилось неведомо откуда взявшимся солнцем.

Со стен улыбнулись ей ободранные почти до половины обои. Они смотрели в пустоту, свидетели жизни, которая уходила и ушла уже почти совсем отсюда. Несмотря на яркий свет февральского задиристого солнца, в мире было темно и неудобно.

Комната ждала настоящего света любви и правды, зябко ежилась и жмурилась от будоражившего ее солнечного ливня, от невовремя появившейся за окнами по-весеннему восторженной бирюзы.

Исковерканные обои забыли о своих ранах, глядя на нее, сидящую на табуретке безвольно, беспомощно и как-то одиноко, среди планет и темноты, где в тон неба бледными разводами все еще хранили тепло ее заметно выцветшие, но все еще такие живые серо-зеленые глаза.

Бирюзовый просвет зимнего дня жался к ней как-то жалко, прося тепла и не надеясь на успех, искал-таки уголки жизни в хороминах ее памяти, порядком заваленных мусором.

Это была комната бабушки. Когда-то она жила здесь, храня до смерти в сердце красные угольки любви к единственному сыну. Она пережила его намного лет и как-то несла это.

Вахамурка, сгорбившись, грузно осела в тишине. Вся ее фигура обмякла и молчала, казалось, мысли надолго оставили ее. Но вдруг, неожиданно для себя самой, она подняла глаза на полку, где стояла шкатулка.

Шкатулка отца. Виртуозно выпиленные лобзиком детали являли собой ажурное полотно белого цвета, почти не потемневшее от времени. Они, правда, были слабо скреплены между собой, и потому шкатулка распадалась при любом неосторожном движении.

Взгляд теплел всякий раз, когда она смотрела на эту старую, так много значившую для нее вещь. Эту шкатулку выпилил в пору своей юности ее папа.

Мысли возвращали в детство, в место света, в историю жизни до разлома земной коры, в детскую радость, в отчий дом, в полную семью с любящими друг друга и ее, такую смешную и смешливую, родителями.

«Эй, Вахамурка, проголодалась? Беги давай до сада за обедом», – слышит она папин голос. Зовет ее, кричит с бон*, а сам далеко так от нее, почти на середине реки.

Летний теплый ветер доносит обрывки его слов до немного оттопыренного уха дочурки, и беспричинная огромная радость заливает все: день, родной берег, весь мир маленькой хохотушки Светки-Вахамурки.

Как папка звал ее с бон тогда, как нежно по-отцовски любил ее, с нею останется на всю жизнь. Легкая, бойкая, лет семи от роду пацанка, не больше, летит с берега Вятки по крутым склонам к садовому домику за черным хлебом, круто посыпанным солью, и за волотками свежего, только что с грядки зеленого лука, что мама для них намыла с любовью.

Потом что-то пошло не так. И земная кора треснула, мир закончился для двух людей, бывших одним целым для нее, любимых ею одинаково: мамы и папы. Из зияющей расщелины показалось горе.

Родители расстались, когда ей было десять. А в четырнадцать папки, ее любимого папки, не стало. Только она знает, как ей не хватало его всю жизнь. Особенно в юные годы, когда распутье юной жизни требовало определиться по важным вопросам.

Но она не теряла его, мысленно обращалась к нему за советом и жаловалась по-детски доверчиво, когда кто-то обижал. Он оставил ей слово любви, большой отеческой любви – Вахамурка. Больше во всю жизнь никто не называл ее так.

Из несмышленища его Вахамурка стала взрослой барышней, а потом и мамой, а еще позднее – вдовой. Она менялась больше внешне, но последнее время что-то мощное взорвало ее внутреннюю сущность и стало переделывать ее.

Папка. Как мало воспоминаний осталось о нем, какие-то разрозненные, почти обрывки слов, минут, событий. Во взрослом ее состоянии она слышала только негатив об отце. Что он спившийся тип, что агрессивный и подлый, что предатель и забулдыга.

Ей всегда было очень больно слышать все это о нем, но, повзрослев, она стала понимать, что такие слова имеют свое основание. Факты – вещь упрямая. Было, было, было. Да, было.

Плохое липкой лентой наслоилось на любимый образ из ее детских воспоминаний. Но не давало душе покоя всю ее жизнь. Обида, вьющаяся гордыня говорила плохо об отце. Обида ее матери. Она была так горька, что выжгла ее душу на многие годы и даже в пожилом возрасте не ослабляла своих железных тисков.

«Мама, расскажи мне об отце, – просила рано состарившаяся Вахамурка. Я почти ничего не помню из детства, я так мало знаю о нем».

То немногое, что сохранила об отце детская память, бережно было уложено в душе навсегда. Видящий и остро воспринимающий красоту фотограф, запечатлевший ее детство.

Внешне красивый человек, блондин с тонкими, выразительными чертами лица, красивыми голубыми глазами, обладавший внутренним достоинством и цельностью.

Увлеченный рыбак, знающий природу и тянущийся к ней всем сердцем. Из того немногого, что сохранила для нее память, остались теплые летние дни, проведенные с папой на берегу Вятки с удочками.

У папы было много рыбацкой снасти. Как ловко он управлялся со всем своим рыболовным хозяйством! Помнила она, что кашу для рыб папка варил с вечера. С вечера же копал червя и готовил все необходимое для утренней рыбалки.

Мы ловили рыбу с бон, что были закреплены на берегу, как раз у нашего сада. Была натянута леска с крючками определенным способом, к ней были привязаны маленькие колокольчики, которые звонили, когда рыба клевала.

Маленькая Вахамурка так любила ждать волшебного звона колокольчиков! И потом нестись по скользким и даже опасным бонам к нужному крючку, чтобы посмотреть улов.

Папка. Какой ты для меня? Патриот своей страны, воин-пограничник, честно отдавший сыновний долг Родине.

Наконец, сын, нежно любивший свою мамочку в юности, ребенок Победы, рожденный 16 июня 1945 года, так никогда и не узнавший отца. Несколько лет назад, разбирая бумаги,

Вахамурка нашла стопку старых конвертов. Это были армейские письма ее отца своей маме с далекой Китайской границы. Сколько тепла и сыновней нежности было в них!

Тогда она заново открыла для себя самого родного человека. Он служил три года. Ее мама, Надежда, ждала его честно, храня любовь и верность... И это тоже было. И это тоже правда.

Мать темнела лицом, медлила с ответом, наливаясь внутренним протестом, а застаревшая обида ползла гневными и не новыми словами наружу:

– Нечего рассказывать, я умерла, душа моя умерла тогда. Это было моей ошибкой, – говорила мать.

– Неужели я появилась на свет без любви? – не успокаивалась я.

– Ну... не без любви, – мешкая с ответом, после некоторой паузы огромным внутренним усилием добавила мама.

Других слов от матери Вахамурке было и не надо. Она знала, она помнила с детства, как родители любили друг друга. Они остались любимыми друг другом навсегда на постаревших от времени фото. Молодыми, красивыми и счастливыми они жили в ее памяти.

Любящей парой. В ее сознании никто не мог разлучить их: ни мама, ни чьи-то пороки, ни другие люди, случившиеся в их жизни, ни болезни – ничто.

И это была ее правда, правда дочери. Не правда фактов, а правда сердца, которое способно любить и прощать. Вахамурка взяла в руки шкатулку, прижала к груди и тихо произнесла:

– Ничего, пап, все будет хорошо, Бог милостив!

Она помнила сухие и трудные, но такие важные слова отца, сказанные им незадолго до его трагической ранней смерти. Она будет хранить эти слова в памяти всю свою жизнь окончательным и полным его оправданием для себя:

– Дочка, у меня были другие женщины, но любил я всегда одну, твою мать.

Правда смотрела на грузную фигуру Вахамурки, не отводя от нее своего внимательного взгляда. Правда не уходила, не оставляла свою дочь, улыбаясь душе, пробудившейся от тяжелого сна.

Непозволительно долго для короткого зимнего дня она сияла в небе бирюзой, предвесенней чистотой и надеждой.

Правда пришла в эту комнату, на самый край Вселенной, чтобы изменить навсегда и Вселенную, и маленькую женщину, наконец доверившуюся ей.

Поздняя, трудная правда смотрела на маленькую папину Вахамурку мудрыми, добрыми глазами Фотинии.

2.02.2021

И будет утро

Посвящаю маме

Сумерки приучили глаза к темноте, и вошла ночь... Душа не спала. В тесной обстановке комнаты она смотрела куда-то внутрь себя. Хотя глаза были открыты и вполне уже ориентировались в темноте, они ничего не видели вокруг.

«Вот такая ты, жизнь», – Настасья лежала недвижно на старом диване в большой комнате и мысленно проводила ревизию своей долгой, как ей казалось, жизни.

Она была красива и в свои семьдесят той самой неброской русской красотой, о которой еще жива память в народе. Тусклый свет фонаря за окном панельной пятиэтажки ровно освещал правильные черты ее неподвижного лица: прямой нос с небольшой горбинкой, немного широкие скулы и упругую, почти без морщин кожу, тонкие выразительные губы и забранные в пучок седые волосы, как-то особо отливавшие сталью по ночам.

Снова ночь размотала в ее гулком пустом доме катушку черных ниток минут, которые Настасья с настойчивостью юного существа привыкла собирать в корзину судьбы.

Она страдала бессонницей много лет. С тревогой просыпалась едва за полночь и оставалась наедине со своими мыслями. Она гнала их, ради этого много читала, но ночь не отступала, поглощая все ее старания безвременным изнуряющим бодрствованием.

Настасья очень любила читать. В ее доме, теперь больше похожем на склад, находилось место и для книг. Они послушно стояли стопками прямо на полу, по всей ее небольшой квартире, постройки конца семидесятых.

Когда-то она заехала в эту квартиру с новым мужем и дочкой от первого брака. С тех пор прошло сорок лет. Дом изменился. Он выцвел, начал крошиться и распадаться без рук хозяина.

Хозяин ее дома, Георгий, был человеком властным и жестким, скупым на слова и на ласку, но умелым в домашних делах, «рукастым», как с нескрываемой гордостью говорила о нем сама Настасья.

Она отдала Георгию тридцать лет, и все бы ничего, да только не любила. Знала эту печальную правду о себе всегда, с того самого момента, как приняла предложение от невидного лысоватого мужчины средних лет, тоже имевшего за плечами неудачный опыт первого брака и сынишку.

Георгий постучался к ней, когда душа Настасьи переживала невыносимую боль развода, когда жизнь, казалось, уходила у нее из-под ног. И вошла ночь...

Неоглядная темень, полная слепота, охватившая бедную душу на долгие годы.

«Мне было всего тридцать пять тогда или даже меньше, – воспоминания снова копошились в памяти, поднимая из глубин сознания давно замолчавшие, думалось, отзвеневшие навсегда струны души, – когда я пережила ту боль, боль деления неделимого. Казалось, я умерла тогда и чувств во мне не осталось. Молодая была, от пустоты и отчаянья пошла за первым, кто позвал».

Почему-то сегодня на душе было тревожно. С чего бы память снова возвращала ее к событиям, таким далеким, не переставшим, однако, быть самыми важными в жизни?

Конец шестидесятых, семидесятые. Разгар советской эпохи, эпохи победившего социализма, как тогда говорили. Она мастер на крупном оборонном заводе в Кирове, на виду у многих, в почете. Парторг, человек с активной жизненной позицией, передовик производства и... жена. Да-да.

Настасья понимала: сильной женщине, и вообще любой женщине, нужна семья. Нужна любовь, чтобы просто жить и дышать, а потом уже и быть передовиком производства, и ветераном труда, кем и стала уважаемая всеми Настасья, с почетом закончив свой трудовой путь.

В далеких семидесятых у нее была семья, у нее была понятная жизнь, в которой многое было доступно, с названными на партийных съездах и конференциях идеалами, общими для всех, целями и планами, с надеждами и мечтами, с ее любовью.

Первый был любимым, Настасья родила ему дочь, подарила пылкость и нетронутость чувств. Но Василий, так его звали, послевоенное дитя, безотцовщина, сорвиголова, белокурый ветер с фотоаппаратом и удочками, после нескольких лет семейной жизни начал злоупотреблять.

Он предавал Настасью снова и снова, и она, хрупкая веточка, надломилась, как оказалось потом, на долгое время. Развод вырвал что-то важное из женского сердца.

«Вася, – сердце запнулось за такое родное когда-то и любимое имя. Первый, а может, единственный...»

Жизнь бежала дальше извилистой речкой, мелкой, но чистой, с заросшими берегами; той самой, без названия, к которой сигала в голодном детстве под гору от братьев в захолустной вятской глубинке, в заповедном краю отчего дома. И душа тогда была родниковая, светлая крестьянская душа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.